Ж145 —
632

B145 632

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

СТЕПАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ХРУЛЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1872

В145
639

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

СТЕПАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ХРУЛЕВЪ.

23461/1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСП. Д. № 39.
1872

3 экз.

Дозволено цензурою. 27 мая 1872 года.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
675656

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
СТЕПАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ХРУЛЕВЪ.

Происходя изъ дворянъ Тульской губерніи, Степанъ Александровичъ Хрулевъ родился въ 1807 году, воспитывался въ тульскомъ александровскомъ училищѣ, и послѣ экзамена, въ 1825 году, прикомандированъ былъ для узнанія службы къ Дворянскому полку, нынѣ Константиновское военное училище. Въ 1826 году, имѣя девятнадцать лѣтъ отъ роду, Степанъ Александровичъ произведенъ въ прапорщики артиллеріи съ назначеніемъ въ конно-легкую № 25-ю роту.

Спустя пять лѣтъ послѣ производства своего въ офицеры, Хрулевъ принималъ участіе въ польской кампаніи 1831 года. Кампанія эта впервые вызвала молодаго офицера на боевое поприще; участвуя въ тринадцати сраженіяхъ, Хрулевъ получилъ чинъ подпоручика, орденъ Св. Анны 4-й степени съ надписью «за храбрость» и Св. Владиміра 4-й ст. Послѣдній орденъ, пожалованный молодому офицеру, былъ наградою за блестящій артиллерійскій подвигъ, указавшій на Хрулева какъ на необыкновенно храбраго и находчиваго офицера.

Въ послѣдующей за тѣмъ венгерской кампаніи 1849 года Хрулевъ былъ уже полковникомъ и командиромъ 4-й конно-артиллерійской бригады.

Война 1849 года въ Венгріи особенно достопамятна для Хрулева по двумъ причинамъ; во первыхъ, потому что

почти во всѣхъ дѣлахъ этой войны артиллерія была главнымъ дѣйствователемъ. а во вторыхъ, потому, что самъ Хрулевъ обратилъ на себя вниманіе начальства своею находчивостію, присутствіемъ духа и смѣлыми налетами на непріятеля.

Перейдя границу, въ составѣ авангарда 4-го пѣхотнаго корпуса, Хрулевъ былъ назначенъ начальникомъ передовыхъ постовъ арміи, т. е. тѣхъ войскъ, которыя прежде всего сталкиваются съ непріятелемъ. Отъ начальника такого отряда требуется неутомимая и неусыпная дѣятельность: онъ оберегатель главной арміи; передовой стражъ ея; онъ слѣдитъ за движеніемъ непріятеля, за его расположеніемъ и сообщаетъ всѣ свѣдѣнія главнокомандующему, который основываетъ на нихъ свои дѣйствія. Начальникъ аванпостовъ первый открываетъ путь войскамъ, обязанъ разсмотрѣть и разузнать мѣстность, по которой должна проходить армія. Полковникъ Хрулевъ все это исполнилъ молодецки.

Съ 3-го на 4-е іюня Степанъ Александровичъ съ 50-ю казаками былъ отправленъ къ г. Бартфельду, чтобы ближе осмотрѣть мѣстность и положеніе непріятеля. По дорогѣ онъ встрѣтилъ транспортъ съ провіантомъ, разогналъ бывшій при транспортѣ конвой и захватилъ девять венгерскихъ фуръ; слѣдуя далѣе, въ десяти верстахъ за городомъ, онъ замѣтилъ венгерскій лагерь, ударилъ на передовые посты непріятеля, взялъ въ плѣнъ 12-ть человѣкъ венгерцевъ и отступилъ къ городу Бартфельду, преслѣдуемый двумя экскадронами венгерскихъ гусаръ. Послѣдніе настигли его въ улицахъ города, гдѣ завязался жаркій бой. Хрулевъ храбро защищался, съ 50-ю казаками, противъ въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго непріятеля; отбилъ двѣ атаки, успѣлъ захватить въ плѣнъ пять человѣкъ гусаръ и возвратился къ своему отряду безъ всякой потери. Покойный Императоръ Николай I, находившійся въ то время близъ арміи, въ мѣстечкѣ Змигродъ, лично благодарилъ Хрулева за этотъ лихой его подвигъ, наградилъ сотника Голубова орденомъ Св. Анны и поцѣловалъ урядника Кузнецова, надѣвъ на него знакъ отличія военнаго ордена Св. Георгія.

Смѣлость и быстрота, съ которыми Хрулевъ исполнилъ возложенное на негѳ порученіе, обратили вниманіе начальства на Степана Александровича. Главнокомандующій князь варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій, не смотря на свое запрещеніе переходить границу Венгріи, оцѣнилъ отважный подвигъ Хрулева и прикомандировалъ его къ авангарду генералъ-адьютанта графа Анрепа, чтобы, при первомъ случаѣ, дать смѣлому и отважному воину достойное назначеніе. Случай этотъ скоро представился. Для наблюденія за дорогами, по которымъ могъ слѣдовать непріятель, было образовано два партизанскихъ отряда, и одинъ изъ нихъ, состоявшій изъ двухъ эскадроновъ кавалеріи и сотни казаковъ, былъ порученъ полковнику Хрулеву. Отправившись съ этимъ отрядомъ наблюдать за движеніемъ непріятеля, Хрулевъ, въ часъ по полудни, 8-го іюля, подошелъ къ городу Лозончь, гдѣ совершенно неожиданно встрѣтилъ непріятеля въ значительныхъ силахъ. Будучи удаленъ отъ главныхъ силъ нашей арміи, и наткнувшись на всю венгерскую армію, Хрулевъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи, если бы только венгерцы вздумали атаковать его. Желая скрыть ничтожность своего отряда, Степанъ Александровичъ, пользуясь мѣстностью, расположилъ искусно свои войска и, чтобы выиграть время, отправилъ посланнаго передать начальнику непріятельскихъ войскъ, отъ имени нашего главнокомандующаго, чтобы венгерцы положили оружіе, иначе онъ ихъ атакуетъ. Венгерцы объявили посланному, что имъ нужно полчаса, для извѣщенія о томъ генерала бывшаго въ городѣ. Тогда Хрулевъ потребовалъ, чтобы два его офицера были отправлены къ главнокомандующему венгерскою арміею Гергею, обѣщаясь, до ихъ возвращенія, не дѣлать нападенія. Желая еще болѣе скрыть свое положеніе, Хрулевъ предложилъ перемиріе, на время пребыванія его офицеровъ у Гергея, и требовалъ, чтобы къ сумеркамъ не только резервы, но и пикеты непріятельскіе были отведены за-городъ: у заставъ же долженъ былъ оставаться только взводъ гусаръ, но съ боль-

шою бдительностію, потому что казаки могутъ увести у нихъ лошадей.

Не смотря на то, что въ началѣ обманъ удался, Хрулевъ видѣлъ, что, рано или поздно, непріятель все таки узнаетъ о малочисленности его отряда, и потому рѣшился на крайность: рано утромъ онъ отправилъ бывшія съ нимъ два орудія подъ прикрытіемъ одного эскадрона, а самъ остался съ другимъ эскадрономъ и сотнею казаковъ съ намѣреніемъ дорого продать свою жизнь, если бы венгерцамъ вздумалось атаковать его. Между тѣмъ венгерскій главнокомандующій долго не давалъ отвѣта нашимъ посланнымъ и время было выиграно: къ отряду Хрулева подошли наши передовыя войска и спасли его отъ неминуемой гибели.

За сказанныя отличія, обнаруженныя въ смѣлыхъ партизанскихъ налетахъ, полковникъ Хрулевъ награжденъ золотою саблею съ надписью *за храбрость* и 1-го сентября 1849 года произведенъ въ генералъ-маіоры.

Черезъ три года по окончаніи венгерской войны, Степанъ Александровичъ является, въ 1853 году, на новомъ мѣстѣ военныхъ дѣйствій въ средней Азіи, въ киргизской степи противъ коканцевъ. Въ началѣ лѣта 1853 года русскія войска двинулись къ укрѣпленію Акъ-мечети (нынѣ фортъ Перовскій), для наказанія коканцевъ угнетавшихъ подвластныхъ Россіи киргизовъ. Отправляясь въ походъ, оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Перовскій, просилъ Государя о назначеніи въ его отрядъ одного изъ опытныхъ генераловъ.—Императоръ Николай I-й назначилъ туда Степана Александровича Хрулева, какъ генерала, лично ему извѣстнаго, храбраго и распорядительнаго. Прибывъ къ отряду, Хрулевъ былъ назначенъ командовать всею артиллеріею отряда, и при послѣдовавшей за тѣмъ осадѣ кр. Акъ-Мечети онъ управлялъ осадными работами, а при самомъ взятіи крѣпости начальствовалъ штурмовыми колонами. Мужество Хрулева въ такихъ случаяхъ было уже испытано, и генералъ-адъютантъ Перовскій вполнѣ оцѣнилъ присланнаго ему помощника. «Въ лицѣ этого отличнаго офицера», писалъ онъ про Хрулева «Его

Императорское Величество соизволилъ дать мнѣ такого помощника и совѣтника, какого въ настоящемъ дѣлѣ только могъ я желать, но имѣть не надѣялся». Въ донесеніи своемъ Государю Императору онъ еще опредѣленнѣе отзывается о заслугахъ Степана Александровича: «осмѣливаюсь представить, писалъ онъ, на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Ваше, Государь, о заслугахъ артиллеріи генералъ маіора Хрулева; успѣшное и скорое производство осадныхъ работъ, удачное дѣйствіе нашихъ орудій, одушевленіе войска при штурмѣ личнымъ примѣромъ, сбереженіе ихъ—все это должно быть отнесено къ распорядительности этого генерала, къ его знанію дѣла и къ хладнокровной его неустрашимости, почему, по всей справедливости, принадлежитъ ему вполнѣ и самая честь завоеванія крѣпости».

Получивъ такое донесеніе, Императоръ Николай I произвелъ Степана Александровича въ генералъ-лейтенанты.

Не успѣлъ Хрулевъ возвратиться изъ этой экспедиціи, какъ въ томъ же году раздался зовъ царя русскаго на защиту православной вѣры и христіанъ въ Турціи.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій съ турками, генералъ лейтенантъ Хрулевъ былъ отправленъ на Дунай въ распоряженіе командовавшаго 3, 4 и 5-го корпусами, генералъ-адъютанта Князя Горчакова 2-го. Степанъ Александровичъ прибылъ къ арміи въ то время, когда на лѣвомъ берегу Дуная воздвигали батареи для дѣйствія противъ рѣчныхъ непріятельскихъ судовъ и укрѣпленій праваго берега рѣки. Ему поручено было руководить этимъ дѣломъ. Заботливо и съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ Хрулевъ возложенное на него порученіе: флотилія рѣчныхъ судовъ была частію разбита, частію сожжена и движеніе непріятельскихъ судовъ прекратилось. Отсюда генералъ Хрулевъ отправленъ въ Каларашъ для устройства точно такихъ же батарей противъ Силистріи, лежащей на противоположномъ берегу Дуная и для дѣйствія противъ судовъ, идущихъ изъ Туртукая. Прибывъ въ Каларашъ, Хрулевъ тотчасъ же приступилъ къ постройкѣ семи батарей. Турки, зная всю важность такой постройки, рѣшились воспрепятствовать этому, и 20-го февраля 1854 года въ числѣ шес-

ти тысячъ человѣкъ, переправились на лѣвый берегъ Дуная съ цѣлію уничтожить возводимыя батареи. Собравъ Каларашскій отрядъ, состоявшій изъ одного пѣхотнаго полка, двухъ эскадроновъ кавалеріи, двухъ сотенъ казаковъ и двухъ батарей артиллеріи, Хрулевъ двинулся съ нимъ противъ непріятеля, который успѣлъ, однако же, оттѣснить нашу передовую цѣпь и приступить къ уничтоженію нашихъ батарей.

Предоставивъ общее управленіе центромъ и лѣвымъ флангомъ генералъ-маіору Богушевскому, генералъ Хрулевъ, съ двумя эскадронами уланъ, казаками и съ конною батареею, быстро двинулся противъ непріятеля. Турки праваго берега, обнаруживъ движеніе отряда Хрулева, открыли противъ него сильный огонь. Но это не остановило героя: осыпавъ непріятеля картечью, Хрулевъ двинулся впередъ. Турецкія войска бросились къ Дунаю. Часть ихъ, не успѣвшая сѣсть на суда, въ числѣ до 500 человѣкъ, столпилась на берегу Дуная. Генералъ Хрулевъ, спѣшивъ улановъ, казаковъ и артиллеристовъ, повелъ ихъ противъ турокъ, изъ которыхъ лишь немногіе успѣли спастись.

Пораженіе турокъ было полное; одна непріятельская лодка была взята, другая потоплена вмѣстѣ съ бывшею на ней пѣхотою.

Хрулевъ тотчасъ же приступилъ къ исправленію поврежденныхъ турками батарей, и 22 го февраля, послѣ молебствія, при совершеніи многолѣтія Государю Императору, въ $9^1/_2$ часовъ утра, былъ сдѣланъ первый залпъ по крѣпости Силистріи. Успѣшнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи была уничтожена большая часть турецкой флотиліи и умолкла артиллерія крѣпости. Бывшая при орудіяхъ прислуга, войско и жители, оставивъ Силистрію, заперлись въ цитадели. Вмѣшательство Австріи и движеніе ея войскъ къ нашимъ границамъ заставило снять осаду Силистріи. Вскорѣ послѣ того Степанъ Александровичъ принималъ живое участіе въ жаркомъ дѣлѣ подъ крѣп. Журжею, гдѣ былъ раненъ пулею въ правое плечо на вылетъ.

За оказанныя здѣсь отличія Степанъ Александровичъ награжденъ орденами Св. Станислава 1-й степени и Св.

Анны 1-й степени съ мечами и саблею, украшенною брилліантами, съ надписью «*за храбрость*».

Въ декабрѣ 1854 года генералъ-лейтенантъ Хрулевъ прибылъ въ Севастополь, гдѣ и проявилась особенно блестящая боевая дѣятельность Степана Александровича. Въ мартѣ (4-го числа) генералъ Хрулевъ, по случаю усиленныхъ дѣйствій союзниковъ противъ нашего лѣваго фланга, былъ назначенъ начальникомъ 3-го, 4-го и 5-го отдѣленій оборонительной линіи и комендантомъ Корабельной стороны, съ подчиненіемъ ему Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета. Имя Хрулева было извѣстно войскамъ; большая часть изъ нихъ не одинъ разъ видѣли Степана Александровича въ дѣлѣ, знали его отвагу и храбрость. Войска любили Степана Александровича за его заботы о солдатѣ и умѣнье кстати сказаннымъ словомъ такъ воодушевить ихъ, что они готовы были идти за нимъ куда угодно. Имъ извѣстно было также и то, что Степанъ Александровичъ назначался на болѣе опасныя мѣста, туда, гдѣ ожидалась жаркая встрѣча съ непріятелемъ. Такъ было и теперь. Лишь только наступили сумерки 5-го марта и ночная цѣпь наша заняла обычное мѣсто, передъ вновь строившимся Камчатскимъ редутомъ, непріятель открылъ частый ружейный и артиллерійскій огонь, а потомъ, вдругъ прекративъ его, бросился на редутъ, тремя колоннами обошедшими его съ тыла, но былъ встрѣченъ батальнымъ огнемъ солдатъ Якутскаго полка. Услышавъ первые выстрѣлы, генералъ Хрулевъ двинулъ на встрѣчу французамъ три роты Волынскаго полка. Отброшенные штыками на наши же укрѣпленія, французы попали съ тыла на штыки якутцевъ. Непріятель спасался бѣгствомъ въ свои траншеи, изъ за которыхъ и открылъ сильный ружейный огонь. Хотя побѣда осталась за нами, но Степанъ Александровичъ, слѣдившій опытнымъ глазомъ за всѣмъ происходящимъ, видѣлъ, что дѣло этимъ не кончится, что французы еще разъ попытаются атаковать насъ. Сильный ружейный огонь изъ-за траншей указывалъ, что за ними скрывается многочисленный непріятель, и потому генералъ Хрулевъ, въ ожиданіи новаго нападенія,

приказалъ командиру Якутскаго полка, полковнику *Бялому*, вывести изъ редута одинъ батальонъ и, подкрѣпивъ его двумя ротами Томскаго полка, быть готовымъ для встрѣчи непріятеля. Послѣдній не заставилъ себя долго ждать: новая колонна его бросилась съ барабаннымъ боемъ, но была встрѣчена штыками и снова прогнана въ свои траншеи.

Выдавшійся впередъ изъ линіи нашихъ укрѣпленій, Камчатскій люнетъ крайне безпокоилъ непріятеля. Не надѣясь взять его штурмомъ, французы приближались къ нему траншеями. 10-го марта вооруженіе Камчатскаго люнета было окончено, и въ слѣдующую ночь, съ 10-го на 11 е марта, была назначена генераломъ Хрулевымъ ночная вылазка, для уничтоженія непріятельскихъ траншейныхъ работъ. Стояли лунныя ночи и, потому Степанъ Александровичъ приказалъ начинать дѣйствія не ранѣе 11-ти часовъ, когда скроется луна.

Въ восемь часовъ вечера собрались на Малаховомъ курганѣ люди, которые должны были идти въ головѣ отрядовъ и охотниковъ; два батальона Камчатскаго полка залегли въ ложементахъ передъ Камчатскимъ редутомъ—все ожидало приказанія начинать. Открывъ сильный ружейный огонь, французы кинулись на нашу цѣпь, которая должна была уступить мѣсто врагу вдвое сильнѣйшему; и покинуть ложементы—французы заняли ихъ. Имѣя намѣреніе предупредить насъ и ожидая нашего нападенія, непріятель выдвинулъ впередъ значительные отряды. При первыхъ выстрѣлахъ Хрулевъ прибылъ на мѣсто. Быстрымъ и опытнымъ взглядомъ окинулъ онъ окружающую мѣстность и увидѣлъ, что здѣсь будетъ не простая вылазка, а большое ночное дѣло. По его распоряженію, камчатское укрѣпленіе было окружено девятью батальонами и четырьмя ротами 35 и 44-го флотскихъ экипажей, предназначенными для уничтоженія непріятельскихъ траншей. Въ девять часовъ войска были на своихъ мѣстахъ.

Для атаки непріятеля Хрулевъ двинулъ на правый флангъ батальонъ Камчатскаго егерскаго полка, а на лѣвый батальонъ Днѣпровскаго полка. Едва тронулись войска,

какъ французы открыли сильную стрѣльбу изъ орудій и штуцеровъ.

— Вишь какъ строчатъ! говорили наши солдатики.

Луна клонилась къ горизонту, когда войска наши, разсыпавъ цѣпи и построившись въ ротныя колонны, безъ выстрѣла бросились въ штыки и выгнали непріятеля изъ нашихъ ложементовъ. Французы отступили въ свои траншеи и открыли оттуда самый убійственный огонь. Увлеченныя успѣхомъ, наши войска продолжали наступленіе.

Три батальона Камчатскаго полка и три батальона Днѣпровскаго были уже въ непріятельскихъ траншеяхъ и вытѣсняли французовъ за вторую ихъ линію. Подступы ихъ остались сзади нашихъ войскъ, и четыре роты моряковъ разрушили ихъ.

Впереди лѣваго фланга Камчатскаго укрѣпленія стоялъ распорядитель этого дѣла, Степанъ Александровичъ Хрулевъ; онъ отдавалъ приказанія.

«Болѣе пятнадцати лѣтъ знаю я этого генерала, пишетъ одинъ изъ участниковъ боя. Съ самаго начала службы моей былъ я съ нимъ въ одной батареѣ; но тогда я зналъ его только, какъ лихаго и веселаго собесѣдника. Позже судьба привела меня служить подъ его командою; тогда я увидѣлъ въ немъ одного изъ лучшихъ знатоковъ артиллерійскаго дѣла. Во время венгерской кампаніи я находился при немъ за офицера генеральнаго штаба — отважнѣе его не было тогда въ арміи партизана. Генераломъ я видѣлъ его теперь въ первый разъ и въ первый разъ оцѣнилъ его вполнѣ. Я былъ пораженъ, найдя въ этомъ лихомъ партизанѣ, какимъ я до сихъ поръ считалъ его, настоящіе таланты генерала: хладнокровіе, дѣльную быстроту въ распоряженіяхъ въ критическій моментъ, умѣнье двигать разсѣянные по полю батальоны въ самомъ жару дѣла и ночью, умѣнье сохранять въ войскахъ порядокъ, воодушевлять ихъ, и доводить солдата почти до восторженнаго состоянія. Всему этому не научитъ опытность: для этого необходимо врожденное военное дарованіе — *нужна внутренняя искра*.»

Въ траншеяхъ завязался, между тѣмъ, кровопролитный

рукопашный бой. Французы, безпрестанно подкрѣпляемые резервами, ежеминутно готовы были перейти въ наступленіе. Силы ихъ росли. На подмогу нашимъ посланы были: батальонъ Углицкаго егерскаго полка и два батальона волынцевъ. Борьба уравновѣсилась, но не на долго—враговъ было больше. Вдругъ среди страшнаго боя раздалось звонкое пѣніе тропаря:

Спаси Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды Благовѣрному Императору нашему на супротивныя даруя.....

Іеромонахъ Іоанникій Савиновъ, въ эпитрахили, съ крестомъ въ рукѣ, торжественно воспѣвалъ спасительную молитву, не обращая вниманія на носившуюся кругомъ его смерть». Солдаты, вдохновенные святыми словами божественной пѣсни, не думали объ отступленіи; они видѣли, что крестъ указываетъ имъ путь къ вѣчной славѣ будущей жизни, и восторженно бросались въ кровавую сѣчу.-Вопли раненыхъ и умирающихъ, громъ выстрѣловъ, были заглушены спокойнымъ чувствомъ солдатъ, что духовный пастырь руководитъ ихъ къ смерти. Одинъ изъ враговъ бросился на безоружнаго монаха и успѣлъ ударомъ штыка разорвать на немъ рукавъ рясы и эпитрахиль, но въ то же мновеніе былъ убитъ юнкеромъ Негребецкимъ. Французы бѣжали и апроши остались въ нашихъ рукахъ. Іеромонахъ занялся ранеными, но въ это время пуля, пущенная въ него, оторвала нижнюю часть креста и контузила отважнаго *монаха-воина*.

Въ пылу боя войска наши прорвались въ третью линію непріятельскихъ траншей и, не обращая вниманія на многочисленность французовъ, которыхъ было собрано на этомъ пунктѣ отъ 6-ти до 8-ми тысячъ человѣкъ, готовы были идти далѣе. Степанъ Александровичъ Хрулевъ, видя слишкомъ большое увлеченіе нашихъ солдатъ приказалъ играть отступленіе, но солдаты, зная, что непріятель, изучившій наши сигналы, часто пользовался этимъ, чтобы остановить наступленіе, не слушали сигнала.

— Не таковскій генералъ, говорили они про Хрулева, чтобы велѣлъ отступать.

Нѣсколько разъ трубили горнисты отступленіе, но солдаты не отступали: ожесточенный рукопашный бой шелъ въ траншеяхъ и остановить нашихъ солдатъ было некому, потому что большая часть офицеровъ была перебита. Три юнкера, бывшіе на ординарцахъ при Хрулевѣ, были отправлены въ траншеи, чтобы вернуть нашихъ солдатъ; и только съ большими усиліями успѣли въ этомъ.

Такъ кончилось это знаменитое ночное дѣло, украсившее Хрулева Георгіемъ 3-й степени, на долго сохранившееся въ памяти камчатцевъ и днѣпровцевъ и выраженное въ устахъ ихъ солдатскою пѣснею, доказывающею отрадное чувство привязанности боевыхъ полковъ къ ихъ начальнику.

1.

Гей! камчатцы—удальцы!
Гей! днѣпровцы—молодцы!
Собирайтесь, водки кварту
За десятое пить марта;
За здоровье, буть здоровъ,
Нашъ любимецъ—нашъ Хрулевъ!

2.

Что съ тобою намъ французъ!
Правду молвить, — онъ не трусъ,
А какъ вздумалъ влѣзть въ траншею
Такъ его турнули въ шею!
Слово молвилъ намъ Хрулевъ, —
Всѣ мы бросилися въ ровъ.

3.

Темный путь свѣтилъ монахъ,
Онъ насъ велъ съ крестомъ въ рукахъ,
А Хрулевъ разжегъ отвагу;
Глядь! французъ—кто легъ, кто тягу.
Штыкъ не хватитъ—камень есть,
И кулакъ французу въ честь.

4.

Слышь канаву къ намъ вели,
Да по ней какъ въ гробъ легли;
Разъярились мы отъ боя,
Слышать не хотимъ отбоя,
Кто въ Викторію (1) попалъ,
Въ Балаклаву (2) прочесалъ.

5.

Съ той поры вотъ ни гугу. —
Знать согнули ихъ въ дугу,
Знать Хрулевъ имъ задалъ перцу,
А ужь намъ-то какъ по сердцу;
Вотъ еще бы дать разокъ,
Такъ совсѣмъ пошлибъ въ утекъ.

6.

Ну, камчатны—удальцы!
Ну, днѣпровцы—молодцы!
Собирайтесь, водки кварту
За десятое пить марта;
За здоровье, будь здоровъ,
Нашъ любимецъ—нашъ Хрулевъ!

Неутомимая дѣятельность Степана Александровича Хрулева была причиною того, что его всегда, какъ мы уже сказали, назначали туда, гдѣ предвидѣлась наибольшая опасность. Такъ, 5-го мая онъ былъ переведенъ на правую половину оборонительной линіи и назначенъ начальникомъ 1-го и 2-го отдѣленій или Городской стороны.

Едва Хрулевъ вступилъ въ командованіе этими отдѣленіями, какъ ему пришлось уже драться съ непріятелемъ. Осмотрѣвъ мѣстность, онъ составилъ смѣлый планъ отбить наши траншеи, занятыя передъ тѣмъ (19-го апрѣля) непріятелемъ. Съ этою цѣлію, въ ночь съ 9-го на 10-е мая, была заложена нами противъ 5-го бастіона новая траншея, которая, выдавшись впередъ на нѣкоторое раз-

(1) Англійская батарея.
(2) Городъ въ Крыму, занятый союзниками.

стояніе, дозволяла поражать непріятеля во фланґъ и частію въ тылъ.

Тысячи лопатъ работали такъ тихо, что непріятель не слыхалъ ихъ, хотя самъ велъ въ это время траншею въ 20-ти саженяхъ отъ нашихъ рабочихъ. Къ утру 10-го мая, совершенно неожиданно для союзниковъ, выросъ длинный валъ почти въ версту протяженія. Непріятель тотчасъ же угадалъ мысль Хрулева, и рѣшился разрушить это новое сооруженіе.

Съ разсвѣтомъ французы открыли ужасную стрѣльбу противъ начатыхъ, но недоконченныхъ работъ. Вечеромъ 10-го мая войска пошли снова на работу, а генералъ Хрулевъ, предвидя нападеніе со стороны непріятеля, придвинулъ, въ прикрытіе рабочихъ, одиннадцать батальоновъ пѣхоты. Съ наступленіемъ сумерекъ, часовъ въ 9-ть вечера, секретъ нашъ далъ знать, что непріятель двигается въ значительныхъ силахъ. Сосредоточивъ здѣсь до 12 т. человѣкъ, французы ударили одновременно съ двухъ сторонъ. На встрѣчу имъ Хрулевъ двинулъ свои войска и борьба приняла страшные размѣры. Траншеи переходили изъ рукъ въ руки и, наконецъ, послѣ семичасоваго боя, наши одолѣли и погнали французовъ. Новое нападеніе враговъ, съ сильною подмогою, возобновило дѣло. Бой закипѣлъ еще упорнѣе и продолжался до трехъ часовъ утра, при сильнѣйшемъ артиллерійскомъ огнѣ съ батарей. Одинъ *Бѣлкина* редутъ выпустилъ до 3 тыс. зарядовъ картечи.—Непріятель дрался отчаянно, но, не смотря на то, мы отбросили его и траншея осталась за нами. Потеря наша въ эту ночь простиралась до 3 т. человѣкъ убитыми и ранеными; потеря же непріятеля была значительно болѣе и по показанію плѣнныхъ, доходила до 6 т. человѣкъ.

Прошло нѣсколько времени послѣ этого погрома и казалось Севастополь принялъ свой прежній видъ, лишь ядра и бомбы кружились въ воздухѣ и летали на встрѣчу другъ другу.

Непріятель готовился къ болѣе серьезной и рѣшительной атакѣ Корабельной стороны.

Въ ожиданіи этого нападенія Степанъ Александровичъ былъ опять переведенъ съ Городской стороны на Корабельную и назначенъ командовать всѣми войсками тамъ расположенными.

На разсвѣтѣ 6-го іюня, послѣ двухъ дневной адской канонады, союзники, въ числѣ 32 тысячъ, атаковали лѣвую половину Севастопольскихъ укрѣпленій. Сильный картечный и ружейный огонь встрѣтилъ вражія колонны, но французы шли бодро въ полной увѣренности на успѣхъ. Многіе изъ нихъ на столько не сомнѣвались въ паденіи Севастополя, что взяли съ собою закуску, которою и думали позавтракать на стѣнахъ павшаго города.

Огромныя массы непріятеля разсыпнымъ строемъ бѣжали къ нашимъ бастіонамъ и батареямъ. По первымъ выстрѣламъ наши пароходы подошли къ берегу и открыли огонь, поражая непріятеля во флангъ и тылъ. Много пало жертвъ отъ выстрѣловъ съ пароходовъ, но французы все таки достигли рвовъ укрѣпленій, а смѣльчаки лѣзли уже на брустверъ. Здѣсь ждали ихъ штыки, камни, картечь и пули храбрыхъ защитниковъ Севастополя. Принятые русскою грудью и штыкомъ, французы были сброшены со всѣхъ укрѣпленій и только въ одномъ мѣстѣ имъ удалось пробраться въ городъ. Батальонъ Полтавскаго полка, занимавшій батарею *Жерве*, не устоялъ отъ натиска многочисленнаго врага и сталъ отступать. Французы заняли батарею и готовы были повернуть орудія въ нашу сторону, какъ вдругъ является начальникъ всей оборонительной линіи, генералъ-лейтенантъ Степанъ Александровичъ Хрулевъ.

— Ребята, стой! крикнулъ онъ отступавшимъ, дивизія идетъ на помощь!

Точно благодатнымъ вѣтромъ пахнули на солдатъ слова любимаго начальника. Солдаты остановились и повернулись къ непріятелю.

— Ну, ребята, навались! крикнулъ одинъ изъ солдатиковъ, бросаясь впередъ.

— Навались, ребята, навались! повторилъ Хрулевъ.

Вся толпа гаркнула «*навались*» и, бросившись впередъ,

открыла учащенную стрѣльбу по непріятелю.—Въ это время Степанъ Александровичъ увидѣлъ возвращавшуюся съ работъ 5-ю роту Сѣвскаго полка.

— Впередъ, благодѣтели, за мной, крикнулъ онъ имъ..... бросай лопаты!

Сѣвцы бросились за Хрулевымъ. Увлеченные своимъ успѣхомъ французы мужественно сопротивлялись, но сѣвцы дрались какъ львы, и, поддержанные полтавцами, тѣснили непріятеля. Бѣлый конь носилъ *Хрулева* среди ожесточенной битвы. Между тѣмъ за сѣвцами спѣшилъ генералъ Павловъ съ батальономъ Якутскаго полка, а за нимъ прибѣжалъ и батальонъ Елецкаго полка. Пять-шесть батальоновъ разныхъ полковъ направлены были изъ города, въ помощь этимъ войскамъ; къ французамъ подошли также подкрѣпленія, но было уже поздно: все ломилъ передъ собою несокрушимый русскій штыкъ. Французы засѣли въ домикахъ Корабельной стороны. Каждый изъ нихъ необходимо было брать приступомъ.

— Что зѣвать, ребята! закричалъ удалой штабсъ-капитанъ Островскій, командиръ сѣвской роты,—впередъ! и самъ бросился къ одному изъ первыхъ домиковъ.

Солдаты не выдали. Какъ ни строчили французы со всѣхъ сторонъ, какъ ни валились наши, въ числѣ которыхъ палъ и храбрый Островскій, но солдаты по щепкѣ разнесли занятый непріятелемъ домъ.—Скоро и всѣ домики подверглись такой же участи: солдаты взлѣзали на крыши и разбирали ихъ, бросали въ трубы пуки зажженной соломы, выламывали двери и повсюду выбивали французовъ.

Видя, что никакія усилія не въ состояніи преодолѣть мужество русскихъ солдатъ, непріятель отступилъ на всѣхъ пунктахъ и, при отступленіи, былъ провожаемъ такою тучею нашихъ выстрѣловъ, что покрылъ своими тѣлами все пространство, лежащее впереди оборонительной линіи. Огонь нашихъ батарей былъ такъ силенъ, что многіе изъ уцѣлѣвшихъ французовъ и англичанъ, чтобы избавиться отъ него, ложились между убитыми и ранеными, въ травѣ, за камнями и, дождавшись прекращенія

выстрѣловъ, вскакивали и стремительно бѣжали въ свои траншеи. «Преинтересно было смотрѣть, говоритъ очевидецъ, какъ изъ какой нибудь ямы, вдругъ вскочитъ человѣкъ десять французовъ, съ ружьями на перевѣсъ, а иные, бросивъ всякое оружіе, почти прилягутъ къ землѣ и пустятся, что ни есть духу, бѣжать къ своимъ траншеямъ, а наши такъ и грянутъ имъ со всѣхъ сторонъ въ догонку».

Такъ кончилось отбитіе штурма, честь котораго, по донесенію главнокомандующаго, принадлежитъ Степану Александровичу Хрулеву. Любимый солдатами, холодный въ опасности, неистовый при увлеченіи, онъ отважно шелъ на встрѣчу смерти, и велъ съ собою безстрашныхъ сѣвцевъ.

День штурма 6-го іюня остался на всегда памятнымъ не только уцѣлѣвшимъ защитникамъ Севастополя, но и всей Россіи. Изъ конца въ конецъ, по обширной землѣ русской, пролетѣло извѣстіе что Хрулевъ вплелъ новый свѣжій листокъ въ лавровый вѣнецъ Россіи. Въ богатыхъ и роскошныхъ палатахъ столицы и въ убогой хижинѣ труженика-мужичка — отпустившаго на бранное поле Севастополя, быть можетъ, единственнаго сына—имя Хрулева произносилось съ одинаковымъ восторгомъ и гордостію. Отвсюду посыпались привѣтствія и поздравленія; одни слали герою икону, другіе стихотвореніе и всѣ вмѣстѣ прославляли подвигъ Степана Александровича.

«Гордясь, сказано въ одномъ изъ писемъ, присланныхъ Хрулеву, какъ русскіе, блистательными подвигами вашими, и отъ души желая вамъ новыхъ, восторженные собесѣдники не могли въ то же время не призадуматься при мысли объ опасностяхъ, какимъ ежеминутно подвергается жизнь ваша по званію начальника атакуемыхъ линій.... Господа, сказалъ вдругъ одинъ изъ присутствующихъ, соберемся опять на дняхъ всѣ вмѣстѣ, отправимся въ Казанскій соборъ, отслужимъ Заступницѣ молебенъ, поручимъ нашего витязя святому Ея покрову и пошлемъ ему, отъ имени всѣхъ насъ, Ея изображеніе». Предложеніе принято съ единодушною готовностію и приведено въ

исполненіе.—21-го іюля молебенъ отслуженъ; въ тотъ же день, за дружескимъ обѣдомъ, выпито за ваше здоровье; образъ Казанской Богоматери при семъ припровождается.

«Примите его, доблестный защитникъ Севастополя, какъ свидѣтельство нашего къ вамъ уваженія, нашей признательности! Да хранитъ васъ Царица Небесная отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Да будетъ для васъ священный ликъ Ея въ минуты опасности щитомъ непроницаемымъ! и да молитъ она Господа Бога о продолженіи драгоцѣнныхъ отечеству дней вашихъ»!

Степанъ Александровичъ благодарилъ приславшихъ письмомъ, исполненнымъ скромности. Вотъ что писалъ онъ:

17-го августа 1855 г. Севастополь.

«Съ сердечнымъ умиленіемъ принялъ я святую икону Казанскія Божія Матери, присланную мнѣ при письмѣ вашемъ, исполненномъ радости за побѣду надъ врагомъ».

«Не ко мнѣ одному относится честь и слава побѣды при отбитіи штурма: честь принадлежитъ русскому солдату, слава—достояніе всей Россіи, побѣда—воля Божія.

«Я счастливъ тѣмъ, что провидѣніе, въ минуты испытанія отчизны, благословило меня быть орудіемъ Его воли! Ваши желанія, задушевныя мольбы обо мнѣ, какъ выраженія единодушной любви къ общей нашей матери святой Россіи, я, подкрѣпленный утѣшительною мыслію вашего сочувствія къ святому дѣлу и надеждою на покровъ Богоматери, принимаю за вызовъ на новые труды.

«Отъ всей полноты чувствъ моихъ благодарю васъ за ваше лестное вниманіе ко мнѣ.

«Да поможетъ мнѣ Богъ оправдать ваше довѣріе».

Степанъ Хрулевъ.

Долго еще подвигъ Хрулева былъ памятенъ его соотечественникамъ. Спустя полгода, когда кончились военныя дѣйствія и Степанъ Александровичъ пріѣхалъ на короткое время въ Петербургъ, нашъ любимый поэтъ Аполлонъ Майковъ напомнилъ ему о событіи 6-го іюня слѣдующими стихами:

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Какъ честныхъ странниковъ, какъ скромныхъ богомольцевъ,
Которыхъ жизнь среди святыни протекла,
Встрѣчаемъ мы теперь бойцевъ-севастопольцевъ,
Готовностью на смерть очищенныхъ отъ зла.
Ихъ много разбрелось безрукихъ и безногихъ;
И люди русскіе, въ палатѣ, и въ избѣ,
Разсказы слушаютъ воителей убогихъ,—
Во всѣхъ разсказахъ ихъ есть повѣсть о тебѣ.
„Разъ, говорятъ они, мы отдали траншею,
Ужь врагъ у насъ свои знамена водрузилъ,
И пушки обратилъ съ жервейской батареи,
На насъ же громъ гремѣлъ и небо дымъ затмилъ.
Но нѣкто бодрствуетъ и духомъ не крушится:
Средь бомбъ вдругъ бѣлый конь является въ огнѣ,
Въ кавказскомъ папахѣ усатый всадникъ мчится,
И слышенъ кликъ его: „Голубчики, ко мнѣ!“
Какъ молнія въ сердцахъ довѣренность блеснула.
Любимаго вождя всесиленъ громкій зовъ—
Полтавцы строятся. Горсть сѣвцевъ къ нимъ примкнула,
И выбили врага подъ крикъ: „*Ура! Хрулевъ*“.
Хрулевъ! ты побѣдилъ любовію солдатской,
Наградой вѣрною, достоинствомъ вождя.
Она намъ говоритъ, что самъ любовью братской
Ты меньшихъ возлюбилъ, ихъ къ чести предводя.
Въ томъ тайна нашихъ силъ, доступная не многимъ;
На подвигъ доблести, и въ мирѣ, и въ войнѣ,
Не нужно русскихъ звать команды словомъ строгимъ,
Но встанутъ всѣ на кликъ: «*Голубчики, ко мнѣ!*»

Горячая любовь Степана Александровича къ солдатамъ, заботливость къ ихъ нуждамъ, были всѣмъ извѣстны и пріобрѣли къ нему всеобщую любовь и довѣренность. Солдаты прозвали его нашъ *старатель*.

Хрулевъ былъ дѣйствительно старатель объ ихъ желудкѣ, одеждѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, старатель славы своего отечества. Степанъ Александровичъ имѣлъ здравый взглядъ на военное дѣло; онъ умѣлъ владѣть душею солдата, возбудить въ немъ огневое чувство отваги, съ которою онъ бросался въ бой. Не одни, впрочемъ, солдаты составляли исключительную заботливость Хрулева, но каждый изъ его подчиненныхъ имѣлъ неоспоримое право на вниманіе своего начальника, умѣвшаго цѣнить труды, какого бы рода они не были. Такъ, въ теченіе одиннадцати мѣсячной осады Севастополя, Хрулевъ нѣсколько разъ обращалъ

вниманіе начальства на труды и заслуги военныхъ медиковъ и ходатайствовалъ о награжденіи ихъ.

Съ самаго начала крымской кампаніи, доносилъ онъ, по настоящее время, врачи несутъ одинаковые труды съ дѣйствующими войсками, съ самоотверженіемъ подаютъ пособія подъ непріятельскими выстрѣлами, подвергаютъ себя всѣмъ лишеніямъ осажденнаго города, всегда днемъ и ночью готовы на призывъ больнаго.... Они не могли увлекаться тою славою, которая влечетъ офицеровъ на поле сраженія.... Сколько медиковъ во цвѣтѣ лѣтъ уже погибли въ Севастополѣ! Болѣзнь, ихъ поражающая, тифъ, которая большею частью бываетъ для нихъ смертельною, потому что они изнурены отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ, при отправленіи своихъ трудныхъ обязанностей, въ воздухѣ обыкновенно зараженномъ.... Между тѣмъ медиковъ, за болѣзнь и смерть въ слѣдствіе усиленныхъ трудовъ, не ожидаютъ ни георгіевскій крестъ, ни слава. На дняхъ еще профессоръ *Гюббенетъ* отнялъ прусскому уроженцу-врачу палецъ, заразившійся гангреною, въ слѣдствіе нечаяннаго укола при производствѣ операціи. О такомъ печальномъ случаѣ никто не заботится, между тѣмъ какъ рана, полученная офицеромъ и солдатомъ, на полѣ сраженія, не оставляется безъ вниманія».

Здѣсь видна теплая душа и справедливое желаніе воздать *каждому по дѣламъ его*.

Въ день 27-го августа 1855 года, когда, послѣ отраженія шести атакъ непріятеля, южная часть города была оставлена нашими войсками, Хрулевъ принималъ дѣятельное участіе. Съ первыми выстрѣлами Степанъ Александровичъ бросился на Корабельную, схватилъ егерскую бригаду 4-й дивизіи, и повелъ ее ко второму бастіону. На дорогѣ онъ узналъ что, штурмовавшія второй бастіонъ колонны французовъ потерпѣли пораженіе, и потому Степанъ Александровичъ бросился къ Малахову кургану.

Въ это время Малаховъ-курганъ былъ занятъ французами и наши войска отступали.

Сойдя съ лошади, онъ снялъ съ себя образъ, и держа его въ рукѣ, пошелъ во главѣ ладожскаго полка.

— Ребята; впередъ! крикнулъ онъ, но въ это время пуля ударила его въ руку и оторвала палецъ.

Ординарецъ замѣтилъ и хотѣлъ ему сказать.

— Молчать! вскрикнулъ Степанъ Александровичъ и, зажавъ рану, прошелъ еще нѣсколько шаговъ, но, видя за тѣмъ, что силы его оставляютъ, что онъ неможетъ болѣе командовать войсками, не можетъ даже идти далѣе, Хрулевъ послалъ своего ординарца за генераломъ Сабашинскимъ, чтобы онъ принялъ отъ него команду. Чувствуя однакоже себя дурно, онъ не дождался прибытія генерала *Сабашинскаго*, а поручилъ командованіе, прибывшему съ куртины, капитанъ-лейтенанту *Ильинскому*. Сѣвъ на лошадь и поддерживаемый двумя ординарцами, Степанъ Александровичъ отправился на Павловскій мысокъ, а оттуда переѣхалъ на сѣверную сторону города.

Такъ кончилась боевая дѣятельность Степана Александровича Хрулева въ Севастополѣ, защиту котораго онъ запечатлѣлъ своею кровью и пріобрѣлъ всеобщую благодарность соотечественниковъ. Имя Хрулева стало извѣстнымъ каждому; оно произносилось и произносится съ тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, которое можетъ только заслужить человѣкъ, посвятившій себя на пользу человѣчества и на защиту своей родины.

Въ 1856 году Степанъ Александровичъ былъ назначенъ въ распоряженіе главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и 15 марта принялъ подъ свое начальство дѣйствующій корпусъ на кавказско-турецкой границѣ.—Послѣ сдачи турецкому правительству крѣпости Карса Хрулевъ получивъ турецкій орденъ Меджидіе 1-ой степени.

Въ 1861 году Степанъ Александровичъ былъ назначенъ командующимъ 2-мъ армейскомъ корпусомъ, а, по уничтоженіи корпусовъ, зачисленъ по полевой конной артиллеріи.

Прошло пятнадцать лѣтъ со времени геройской защиты Севастополя, и Степана Александровича не стало. Онъ скончался въ Петербургѣ, 22 мая 1870 г., въ два часа по полуночи. Смерть внезапно похитила человѣка, неодно-

кратно презиравшаго ее на полѣ бранномъ и вышедшаго, можно сказать, невредимымъ изъ грозныхъ огней Севастополя. Степанъ Александровичъ скончался скоропостижно. Еще за долго до своей смерти Хрулевъ высказывалъ неоднократно желаніе быть похороненнымъ въ Севастополѣ среди *богатырей-благодѣтелей*, которыхъ онъ водилъ въ бой съ такой славою.

Согласно послѣдней волѣ Степана Александровича, было испрошено Высочайшее разрѣшеніе на погребеніе тѣла генерала Хрулева въ Севастополѣ. Такъ какъ Государь Императоръ изволилъ находится за границею, то, въ ожиданіи этого разрѣшенія, тѣло генерала Хрулева было временно отправлено въ его помѣстье Тульской губерніи.

Послѣ отпѣванія прахъ покойнаго, сопровождаемый войсками, былъ перевезенъ на станцію Николаевской желѣзной дороги. Когда гробъ былъ поставленъ въ вагонъ и присутствовавшіе при этомъ товарищи и сослуживцы вошли, чтобы еще разъ поклониться праху усопшаго героя, одинъ изъ защитниковъ Севастополя, г. Алабинъ, положилъ на гробъ лавровый вѣнокъ.

По полученіи Высочайшаго разрѣшенія, тѣло генерала Хрулева прибыло 27 іюня въ Севастополь, и, встрѣченное военными почестями, было перенесено въ адмиралтейскій соборъ.

Въ 4 часа по полудни, 29-го числа, при собраніи войскъ и многочисленнаго общества, совершена Евгеніемъ, архимандритомъ херсонійскимъ, соборнѣ, въ соборѣ большая панихида, послѣ чего гробъ былъ поднятъ генералами и штабъ-офицерами, и въ процессіи отнесенъ на Графскую пристань. Здѣсь его поставили на катеръ подъ балдахинъ, и, въ сопровожденіи военныхъ катеровъ и цѣлой флотиліи частныхъ шлюпокъ, при пушечной пальбѣ съ военнаго судна, процессія поплыла на Инженерную пристань сѣверной стороны, гдѣ была встрѣчена войсками и артилеріею. По снятіи гроба съ катера, шествіе направилось на военное кладбище къ храму Св. Николая, на могилахъ убіенныхъ. На кладбищѣ была совершена заупокойная

литія, и, при опущеніи гроба въ могилу, произнесена была о. архимандритомъ рѣчь.

Рѣчь эта произвела глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ и черезъ пятнадцать лѣтъ воскресила въ памяти народа заслуги Степана Александровича Хрулева и его товарищей. Рѣчь эту въ свое время читали всѣ, но никто не читалъ ея безъ душевнаго волненія, никто не прочелъ ея безъ того, чтобы не вспомянуть съ глубокимъ уваженіемъ имени усопшаго. Приведемъ же ее и здѣсь, въ нашемъ краткомъ очеркѣ служебной дѣятельности Степана Александровича Хрулева.

«Пораздайтесь, холмы погребальные, посмежите хребты свои. Потѣснитесь и вы, *благодѣтели* ратники,-вотъ *отецъ* вашъ боевой пришелъ доказать вамъ любовь свою воинскую; дабы видѣли всѣ, что и въ славныхъ бояхъ, и въ могильныхъ рядахъ не отсталъ онъ отъ васъ. Рука объ руку вы ходили за нимъ собирать вѣнцы бранные; богатырскою грудью своею, по зову его, заслоняли вы каждый стягъ родной русской земли. И теперь, много лѣтъ спустя послѣ кровавой борьбы, бьетъ снова тревогу труба при гробѣ *Хрулева*? Сомкните же тѣстые ряды свои, храбрецы безпримѣрные, и героя севастопольской битвы окружите дружнѣе въ семейной вашей могилѣ.

«Честные наслѣдники доблестной славы героевъ, живые защитники чести Россіи, благодѣтели-воины! Соберитесь и вы вокругъ этого гроба и вздохните надъ прахомъ *Хрулева*, которымъ гордится вся русская армія и отечество наше. Заунывную пѣснь разольютъ сейчасъ ваши трубы военныя и застонетъ земля отъ грома орудій и приметъ въ нѣдра свои останки того, чье имя извѣстно народамъ, которые умѣютъ гордиться славой и честью оружія. Не умретъ въ памяти нашей имя генерала *Хрулева—человѣка сердечнаго*, и не закроется великая книга исторіи: вѣка и потомства будутъ дивиться этимъ чудесамъ храбрости и этимъ спискамъ многочисленныхъ земляковъ его.

«Почивайте же съ миромъ, защитники Севастополя, до послѣдней трубы Архангела. Святая церковь, какъ ма-

теръ чадолюбивая, день и нощь молится о васъ, дабы сподобилъ всѣхъ васъ Господь вѣнцовъ небесныхъ. Возлюбленный августѣйшій нашъ Царь и все государство украшаетъ великую усыпальницу вашу достойнымъ памятникомъ; изъ рода въ родъ передаваться будутъ имена ваши славныя, и нѣтъ ни одного сына отечества, по всему лицу земли русской, который бы не сказалъ вамъ вѣчную память. Да утѣшается духъ вашъ при видѣ того, что все воинство всероссійское идетъ и пойдетъ по торнымъ вашимъ путямъ; какъ одинъ человѣкъ, станетъ грудью за Церковь и Вѣру, за Царя и Россію, и если затронетъ чья-либо гордость народную честь, то не успокоится мечъ въ ножнахъ своихъ, доколѣ хотя одинъ врагъ попирать будетъ русскую землю дерзкою стопою своею.

«Живой примѣръ показали вы на землѣ Севастополя, упоивъ ее кровію своею. Живая кровь и теперь кипитъ въ сердцахъ вашихъ товарищей по оружію, и дрогнутъ воинства чужеземныя, вспомнивъ рать севастопольскую.

«Осѣнимъ же, братіе, всѣ мы себя крестнымъ знаменіемъ, поклонимся снова гробницамъ этихъ великихъ мужей, и изыдемъ отсюда, повторивъ громогласно обычный нашъ кличъ: *готовы мы всѣ до единаго и жить, и всегда умереть за Вѣру, Царя и Отчизну*».

При громѣ выстрѣловъ земля севастопольская приняла останки того:

Кто *благодѣтелей* съ собою —
Къ побѣдамъ доблестно водилъ,
И тотъ съ завѣтною мечтою
Средь *благодѣтелей* почилъ!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА